

**Сергей
 РАФАЛЬСКИЙ**

г. Киев

рассказ

1

В последний раз Лида со своей старшей сестрой и сыном приезжали ко мне больше десяти лет назад. Тогда я повел их на пляж через озеро. Это даже не озеро, а огромная яма, наполнившаяся подземными водами. Ступали осторожно, шли по колено в воде, цепляясь руками за стволы деревьев, видневшиеся над поверхностью. Лида вела Максима за руку, чтобы он не бултыхнулся в воду, зацепившись ногой за камень или корягу, я же развлекал Ригу, она шла, схватив меня под локоть.

Я полюбил Лиду и ее сестру с тех самых пор, как мы познакомились на побережье у дома отдыха. Компания туристов из столицы, добравшись до южной оконечности страны, остановилась именно здесь; я был отправлен им в помощь домом отдыха для того, чтобы молодые люди смогли развести костер, не оставили после себя мусор и, в общем, чтоб не случилось никаких непредвиденных ситуаций. Но

ко мне не отнеслись как к чужому: пригласили к себе, напоили горячим вином, я попытался озябшими пальцами сыграть несколько песен на гитаре для всей компании.

Большая часть ребят, устав от долгого перехода, быстро разошлась по палаткам, чтобы на следующее утро отправиться дальше по приморским дорогам. Возле костра остались лишь мы втроем: я, Лида и Рига.

Лида, слегка захмелевшая, смотрела на взлетавшие к чистому звездному небу мелкие щепки, которые отлетали от трескучих, гаснущих и вновь разгорающихся веток; мы же с Ригой болтали об их спелеосекции, о пещерах, горах, реках и долинах.

Я, парень чуть старше их, не получивший толкового образования, но знавший о жизни на побережье абсолютно все, пытался удивлять девушек, и они удивлялись. Рига смеялась над моими мальчишескими историями, а я пытался уходить от ответа либо отшучиваться, когда речь заходила о моей семье. Тогда я думал, что не стоит рассказывать о моей матери, что на

три-четыре месяца в году, когда к морю стекаются туристы, становится хозяйкой мелкой продуктовой лавки прямо в нашем доме; именно это помогало нам сводить концы с концами зимой. Рига заливистым смехом реагировала на мои рассказы о том, что я сын пирата и кухарки, хотя это было не так далеко от истины.

Лида лишь слегка улыбалась, обнажая белые ровные зубы — светлое пятно на загоревшем лице. В эту-то улыбку я и влюбился.

За нескончаемым потоком разговоров наступило утро: серость заглотила в себя звездный шатер, а затем пространство начало набухать тонами восхода солнца — от бледно-красного до золотого. Я помог ребятам убрать мусор, собрать палатки и спальники, уложить нехитрое туристическое снаряжение. Рига и Лида по очереди обняли меня, мы обменялись адресами, они дали мне свой городской номер телефона.

Следующие полтора месяца я провел на том же пляже, помогая другим туристам и выполняя работы в кемпинге, но ни с кем больше не сблизился за то лето так, как с Лидой и Ригой.

2

Зима наступила с холодным степным ветром, ежедневной моросью и скользкими дорогами, ставшими практически непреодолимым препятствием в тот самый момент, когда пришла необходимость частых поездок в поселок за лекарствами для матери. Ежедневно я садился за руль полуразвалившегося «Москвича» и ехал в поселок на старую почту, где тетя Валя, почтальонша, хорошо знавшая еще мою бабушку, отдавала мне приходящие от Риги письма. Рига писала, что ее сестра уехала в горы со своим новым другом, а она сама заняла должность руководителя спелеоклуба.

Рига звала меня приехать в столицу, я отвечал ей, что не смогу оставить нездоровую мать одну, но очень бы хотел увидеться с сестрами, когда Лида вернется с гор; приглашал летом к себе, но Рига, ссылаясь на занятость и планы на лето, изменить которые она была не в силах, отказывалась несколько раз.

Той весной я почувствовал, что количество дней в Крыму, которые по-настоящему можно назвать весенними, сократилось практически до нуля. Сразу за зимой наступает лето; за несколькими днями, когда с трав сходит хрупкий лед, сразу же идет пора палящего солнца, которое наполняет соками землю и многочисленных насекомых, ящериц, птиц...

Мать начала поправляться, возникли ежедневные хлопоты перед началом сезона. Я снова стал ездить в поселок, но уже на велосипеде. Так хотя времени уходило больше, но теперь я не боялся за поломку машины в пути. Я цеплял маленькое радио к багажной сетке велосипеда, подпевал по пути знакомым песням, не замечая течения минут.

Приезжая в поселок, я сначала выполнял все поручения матери, заходил на рынок съесть караимский пирожок, выпить стакан освежающего лимонада, послушать толки базарных торговцев, лишь затем шел на почту. Иногда она оказывалась закрыта, поскольку я приходил слишком поздно, тогда я чувствовал, будто камень упал с души: Рига продолжала регулярно писать, но почти не упоминала в письмах о Лиде. Я же стал реже отвечать, мне стало как-то неловко в каждом письме спрашивать о судьбе ее сестры. Все равно мои вопросы оставались без ответа либо сталкивались с сухими отговорками о том, что Лида жива, но сестры не виделись с тех пор, как младшая вернулась с гор.

Однажды я приехал домой из поселка, переделал все вечерние дела. Когда настало время забыться во сне, не обращая внимания на жужжание мух и скрип сверчков в хрупкой пожелтевшей траве за окном, я начал методично упорядочивать в своей голове сведения о жизни моих подруг, двух сестер, с которыми мы накрепко связались той странной летней ночью. Не замечая, как проходят получасы, не следя за едва уловимым хрустом секундной стрелки, я раз за разом приходил к выводу, что мне необходимо следующим же днем, когда отправлюсь в поселок, попытаться позвонить по домашнему номеру Риги, перебороть свой страх перед кажущимся сопротивлением и ее нечуткостью в письмах, нежела-

нием упоминать о сестре. В полусонном метании на пропитанных потом простынях я понял, что за все это время, пока мы были разлучены с Лидой и Ригой, я необратимо вдавливал их в свою жизнь.

Я проспал каких-то два часа, а потом помог матери открыть магазин; по улице от моря уже уходили рыбаки, а им навстречу шли отдыхающие с полотенцами и плавательными кругами. Я не помню, как тогда добрался до поселка. Как прежде, включив радио, я сосредоточился на дороге, но на этот раз не подпевая, даже не подсвистывая мелодиям.

Первым делом я отправился на почту и попросил у тети Вали соединить меня с номером, который год назад оставили мне сестры. Закрыв за собой дверь телефонной кабинки, слушая протяжные гудки связи, я будто бы снова вернулся в закатное зарево и в волны первых слов, сказанных мне Лидой и Ригой.

Трубку взяла Рига, я точно знал, что это она, в мозгу пронеслось импульсом: мы вовсе и не расставались, сегодня лишь следующий день после знакомства. Ее слово «алло» было составлено из множества звуков, которые обволакивали меня в те часы, когда сестры были рядом. Но мой язык прилип к нёбу, в горле пересохло, в ответ я не вымолвил ни слова, прежде чем она снова произнесла: «Алло!»

На заднем плане в трубке раздался требовательный крик — так плачут новорожденные или совсем маленькие дети. Я оторвал мокрый пластик от уха и уже не слышал тысячи ее «алло»; повесил трубку на крючок, вышел из кабинки, положил две бумажки в маленькое блюдечко за окошком почты, где сидела тетя Валя, и вышел из здания.

3

Моя мать слегла осенью и умерла на следующее лето после того, как я позвонил Риге. Я похоронил ее в поселке и почти каждую неделю приезжал на могилу. По привычке так же заходил на почту, но после нескольких писем без ответов Рига перестала писать. Меня мучило чувство обиды, я спрашивал се-

бя: «Почему Рига скрыла от меня, что Лида родила ребенка?» А в том, что это был именно ребенок Лиды, я не сомневался. Разве она могла побояться потерять нашу дружбу из-за этого, я был бы всегда рад увидеть их всех у себя в доме на побережье Черного моря, встретить их снова, узнать, как они живут. Но теперь я остался совсем один, собственноручно изолировав себя от неизбывного предательства. Да, именно так я и называл внутри себя нежелание Лиды гордиться своим ребенком. Построив себе песчаный остров из своих иллюзий и страхов, став жить как дикарь, добывая себе пропитание из морской пучины, я постоянно пребывал во вселенском монологе перед самим собой.

Между тем с моих губ монотонно слетали фразы о том, что они забыли меня, они не испытывали тех глубоких чувств, которые испытывал к ним я, и, следовательно, никогда не смогли бы ответить мне взаимностью; но я быстро уничтожал эти фразы, раскусывая до крови губы, не желая больше произносить этих слов, а тем более — верить в них.

Прошло еще одно лето, я стал реже ездить в поселок, моя машина сломалась, я не пытался ее чинить или просить помощи у соседей. Я жил на деньги, вырученные с улова, отдавая их соседскому мальчику, который приносил мне раз в несколько дней мясо, молоко и хлеб.

Поздней осенью я все-таки кое-как попытался привести себя в порядок. Остриг бороду и волосы, надел белую рубашку и черные брюки, в которых последний раз был на похоронах матери, и поехал на велосипеде в поселок. Дни стояли теплые — такое нередко случается у берегов, когда ветер дует с юга, неся с собой покой и размеренность. Я ехал в поселок около двух часов, хотя мой обычный путь занимал немногим более полчаса.

В поселке я увидел обычно пустую для сезона базарную площадь, только несколько торговцев под выгоревшими зонтами стояли возле почты с ящиками и коробками, наполненными овощами.

Я зашел в здание почты с велосипедом и улыбнулся тете Вале, она радостно встретила меня, широко улыбнувшись. Женщина при-

несла мне письмо со словами: «На прошлой неделе пришло». Я мгновенно выхватил его из рук почтальонши и засунул конверт в карман рубашки.

Выйдя на улицу, я вытащил письмо и взглянул на адрес: тот же город, улица, дом, но имя — Лиды. Внутри меня что-то кольнуло, я хотел оторвать ленту и прочитать все строки, которые я так ждал эти годы. Тетя Валя не соврала, штемпель о прибытии значился прошлой неделей, я успел понять какие-то далекие намерения, затронуть струны расстояний, почувствовать волю судьбы...

Через неделю мой ответ был готов, я долго собирался с духом, искал нужные слова; письменные принадлежности я попросил у того же соседского мальчика.

Наша переписка с сестрами обрела второе дыхание; в самые лютые степные морозы я просил соседей привозить мне письма из поселка, несколько дней раздумывал над ответом и от чистого сердца писал Лиде обо всех своих переживаниях. Те письма были написаны довольно сумбурно, но в каждом из них я оставлял часть себя, которая была погасшей искрой костра той ночи.

Они приехали после все такой же короткой весны: Рига, Лида и ее сын Максим.

Лида почти не изменилась, лишь немного поправилась, у ее глаз появились морщины от слез. Все та же полностью обнажающая белые зубы улыбка заставила улыбнуться и меня, когда я встретил их рейсовый автобус в поселке на площади.

4

Мы вчетвером вышли из моря. На ступни налип песок, моим ногам стало щекотно от теплых солнечных лучей. Я сказал, что возьму Максима на руки и перенесу его через дорожку с мелкими камешками. Он обхватил руками мою шею, Лида ушла вперед, а я шагал вместе с Ригой.

— Она ищет отца своему ребенку. Им мог бы стать и ты. — Рига окинула меня взглядом, а затем снова поглядела вдаль.

— Ну и кто отец Максима? — спросил я, когда мы уже добрались до пляжа и Лида с сыном бросились играть к воде, а мы с Ригой расстелили прорезиненное полотенце там, где ковер растительности переходит в песок.

— Сама практически ничего о нем не знаю, — сказала девушка, дернув плечом и сощурившись от закатного солнца, — несколько раз он приезжал к нам домой, но я была в отъезде. После рождения Максима Лида стала еще более замкнутой. Она работает в центре помощи женщинам — брошенным и изнасилованным.

Мы вернулись с пляжа в сумерках, а на следующую день после моей утренней ловли и совместного обеда наша прогулка повторилась. И так продолжалось всю неделю: Максим с каждым днем все крепче обнимал меня за шею, я рассказывал ему про обитателей моря, дальше мы садились с Ригой на одном и том же месте, указателем которого нам служил обглоданный ветром ствол дерева. Длинных разговоров с Лидой не было, будто бы это не она писала письма зимой и весной с объяснениями своего молчания, рассказами о сыне; будто это не она выдала мне страшную тайну пережитого насилия, не она рассказала, что Максим — подарок злого случая, от которого девушка не смогла защититься.

Я исписывал тысячи страниц ее именем, наименованиями чувств, похожими на ярлыки аптечных банок, — то, что хотел бы передать по воздуху, земле, воде телеграфными и электрическими проводами; но ни разу в письмах не сумел узнать, мечтала ли она, помнила ли она, волновалась ли она... И это так и осталось запертым в шкатулке, куда я складывал наиболее красивые раковины, отполированные водой стеклышки, засохшие кусочки плавника; из шкатулки пахло морем, из нее виднелся оранжевый блин небесного светила. Я часто перебирал эти раковины, выкидывая надоевших мне обитателей шкатулки в мешок возле дверей. Все это я делал для того, чтобы освободить деревянное пространство для подарков от новых приключений моего разума; так я наполнял шкатулку песком, отбитыми камнями, разной трухой.

Они уехали втроем именно в тот момент, когда и должны были уехать, не оставшись ни на день дольше. Я почти не помню часа нашего прощания — время с того момента, когда Лида, Рига и Максим вышли из моего дома, и до того момента, как они скрылись в пыли дороги, скомкалось в липкую летнюю секунду.

И именно тогда, как мне думалось, я перестал для них существовать.

Множество раз после этого мне казалось, что их приезд был просто знаком уважения, признательности за мою самоотверженность, но точно об этом я, вероятно, так никогда и не узнаю.

5

Больше десяти лет назад. Ни много и ни мало. Ничего не изменилось, кроме того, что теперь, когда я забирал письма с почты от Лиды или Риги, то складывал возле печки, топившейся зимой, так и не вскрыв. Сестры грели меня огнем, который я не получил в течение всех ночей, когда они оставались далеко отсюда.

За последние два года я получил лишь три письма. Их отдала мне новая почтальонша.

Сидя этими жаркими днями еще одного лета, я бы хотел вернуть свое молодое тело и наполненный жизнью разум в ночь нашего знакомства. Я хотел бы, чтобы в пыли, которую поднимает северный ветер, показалась фигура моего приемного друга, настоящего найденного сына Максима, чтобы он сказал мне: «Возвращайся!», обняв меня за шею. Он, уже выросший и обходящийся без меня, спросил бы, зачем я храню раковины возле двери в мешке, почему я до сих пор не приехал к ним; попросил бы еще раз рассказать про всех странных рыб, которые живут в море, окружающем мой остров.

Я и умру здесь; соль вьется в мои глаза, призраки разрушат идиллию этого места, жучки проникнут в полости деревянных стен; рыбы будут плавать в проемах комнат, а остров перестанет существовать.

Вечно только ожидание.

□

Сергей РАФАЛЬСКИЙ

родился в Евпатории.

Пишет рассказы.

В 2011 году вошел в лонг-лист независимой литературной премии

«Дебют» в номинации «Малая проза».

Публиковался в журналах «Дніпро», «Коло», «Більше».

Лауреат конкурса «Северная звезда-2013» в номинации «Проза».

Живет в Киеве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

